

Чтобы люди не заметили его странного состояния, Тань Чжифэн встал и пошёл на заднюю кухню, чтобы заняться оставшейся частью баранины, которую он приберёт для Сюй Ганя и Чэнь Цина.

— О, Цзыцзинь, ты наконец-то пришёл! — едва Тань Чжифэн взял нож, как снаружи раздались голоса Чжоу Яньцзина и остальных. Похоже, Чэнь Цин наконец-то прибыл. Тань Чжифэн посмотрел в сторону стола. Чэнь Цин сильно замёрз, его лицо было бледноватым, а вид — растерянным. Заметив, что Тань Чжифэн смотрит на него, он словно испугался и с трудом выдавил улыбку.

— Ну что ж, выпьем! — Чжочжо подогрела вино и расставила чарки перед всеми, кто сидел за столом.

— Хозяин Тань, не суетись, иди сюда, поешь чего-нибудь! — крикнули ему Чжоу Яньцзин и Люй Ян. Тань Чжифэну ничего не оставалось, как отложить дела и выйти к ним.

Чжочжо разлила вино половине стола. Проходя мимо Вэньхуэя, она на мгновение замерла, но тот подмигнул ей и сам взял чарку. Ван Чао удивлённо выпучил глаза и спросил:

— Наставник Вэньхуэй, вы же монах, разве вы можете есть мясо и пить вино, как мы?

Вэньхуэй с улыбкой ответил:

— Это всего лишь мирское заблуждение. В «Широком своде заповедей» говорится, что монахам не обязательно быть вегетарианцами. Буддизм запрещает есть «хунь». Что такое «хунь»? Речь идёт не о курице, утке, рыбе или мясе. Это мы называем «син», а не «хунь». «Хунь» в буддийских сутрах означает «пахнущее», то есть овощи с нечистым запахом. Как говорится — «хунь — это дурно пахнущие овощи».

Он небрежно закатал длинные рукава своего просторного монашеского одеяния и, подняв чарку, сказал:

— Так что я могу и мясо есть, и вино пить. Вот только ваши восхитительные соусы, хозяин Тань, боюсь, мне не отведать.

Тань Чжифэн был поражён и поспешно сказал:

— На самом деле, это не проблема. По крайней мере, эту кунжутную пасту я готовил сам, в ней нет ничего с нечистым запахом. Можете смело её есть.

Вэньхуэй прищурил свои глаза феникса:

— О? В таком случае, благодарю. Хозяин Тань, позвольте мне сперва выпить за вас.

— Нет, нет, — Тань Чжифэн поспешно замахал руками. — Мне нельзя пить вино.

В этот момент Тань Чжифэн почувствовал за спиной холод, и знакомый голос раздался у него над ухом:

— Я его старший брат, я выпью за него.

Вэньхуэй с улыбкой в глазах посмотрел на Тань Чжифэна, затем на стоявшего за ним Сюй Ганя, чокнулся с ним и залпом выпил вино «Долголетие».

Тань Чжифэн испугался, но с большим трудом сдержал удивление перед Вэньхуэем. Он обернулся и посмотрел на Сюй Ганя. Лицо Сюй Ганя было совершенно спокойным, он с улыбкой смотрел в глаза Тань Чжифэну.

— О, я оставил вам двоим много мяса! — боясь, что его снова начнут уговаривать выпить, Тань Чжифэн быстро ушёл на кухню. За ним послышались шаги Сюй Ганя — он тоже вошёл следом.

— Я тебя напугал? — спросил Сюй Гань, подойдя к Тань Чжифэну, который выглядел растерянным.

— Вовсе нет, — Тань Чжифэн поднял на него глаза. У него на душе было много забот. Он хотел спросить Сюй Ганя, где тот был, рассказать ему о том, что видел, а ещё о Вэньхуэе. Тань Чжифэн понятия не имел, откуда тот взялся, но Сюй Гань, казалось, не был удивлён его появлением. Возможно, Сюй Гань знал, кто он... Пока Тань Чжифэн размышлял, Сюй Гань сам заговорил: — Это я виноват, что вернулся поздно. Не думал, что так задержусь.

С этими словами Сюй Гань подошёл к умывальнику, вымыл руки и спросил:

— Что нужно делать?

Видя это, Тань Чжифэну ничего не оставалось, как коротко объяснить ему, как обрабатывать мясо, как удалять жилки и плёнки, влияющие на его качество... Сюй Гань внимательно выслушал, взял нож и начал помогать Тань Чжифэну.

Тань Чжифэну больше нечего было делать, и он молча наблюдал со стороны. Через некоторое время он решился и начал с самого безопасного вопроса. Воспользовавшись моментом, когда Сюй Гань остановился передохнуть, он спросил:

— Этот наставник Вэньхуэй... почему он так знаменит?

— Он один из лучших монахов столицы, — ответил Сюй Гань. — Хотя он в столице всего год или два, он лечил самого государя. Государь относится к нему с большим почтением и назначил его настоятелем храма Тяньцин... Раньше я только слышал о нём, а теперь, увидев, чувствую что-то знакомое...

Сказав это, Сюй Гань прищурился, погрузившись в раздумья, и замолчал. Лишь через некоторое время он снова взял нож и продолжил умело разделять мясо.

— Что вы тут вдвоём прячетесь? Мяса уже достаточно, все ждут вас за столом! — не успел Тань Чжифэн набраться смелости, чтобы задать второй вопрос, как в кухню вбежала Чжочжо и, схватив Тань Чжифэна за руку, потащила его наружу. Сюй Гань разложил мясо, вынес его и сел за стол рядом с Тань Чжифэном.

Сев, Тань Чжифэн обнаружил, что с одной стороны от него сидит Сюй Гань, а с другой — тот самый знаменитый Вэньхуэй. Вэньхуэй то и дело с улыбкой поглядывал на Тань Чжифэна, отчего тот чувствовал себя не в своей тарелке и старался придвинуться поближе к Сюй Ганю.

— Вино «Долголетие»! Хорошее название! — пробовали и обсуждали несколько учёных мужей. Ли Вэймин за последнее время многое пережил, а теперь ему предстоял долгий путь, и на душе у него было много смешанных чувств. Он уже бесчисленное количество раз благодарил Чжань Чжао, и, к его удивлению, Чжань Чжао почти без возражений принял несколько подарков, приготовленных матерью Ли Вэймина. От этого Ли Вэймину на душе стало гораздо легче.

В этот момент Ли Вэймин встал и, легонько постукивая палочками по нефритовой бутылки, запел:

— ...В восьмом месяце собираем финики, в десятом — жнём рис, из него делаем весеннее вино, чтобы продлить долголетие...

— Кому интересно тебя слушать, — не удержался от насмешки Люй Ян. — Госпожа Шуанлянь — известная певица из соседнего переулочка. Не могла бы она порадовать нас своим пением, чтобы мы насладились её голосом?

Шуанлянь смущённо опустила голову и сказала:

— Мой цинь не здесь.

У Чжоу Яньцзина и Люй Яна были слуги, и они тут же сказали:

— В этом нет ничего страшного, мы пошлём кого-нибудь забрать его из твоего дома.

С этими словами один из слуг уже догадливо вышел, чтобы принести цинь для Шуанлянь.

Гости продолжили есть мясо и пить вино. Через некоторое время цинь Шуанлянь уже принесли. Она встала, села у стойки, настроила струны. Все тут же замолчали, отставили чарки и, повернувшись, стали внимательно слушать. Хотя внешность Шуанлянь была средней, её голос, когда она запела, был удивительно чистым и трогательным. Пропев несколько пробных фраз, она остановилась и спросила:

— Что бы уважаемые господа хотели услышать?

Один из чиновников постарше сказал:

— С тех пор как Лю Ци стал чиновником и покинул столицу, за эти годы не было слышно нежных и трогательных песен. Мы, обременённые рутинными делами, даже не знаем, чьи стихи сейчас поют?

Люди заговорили наперебой, кто-то упомянул господина Яня, кто-то — Оуяна Юншу. Шуанлянь слегка улыбнулась и сказала:

— В таком случае, служанка споёт пару песен на своё усмотрение. Прошу вас не смеяться.

Тань Чжифэн вместе со всеми посмотрел на Шуанлянь. Он увидел, как она легко коснулась струн циня и, расправив голос, запела:

— В нефритовом сосуде чистая вода несёт прохладу, золотые чаши полны нектара. Встреча с бессмертными... Новые мелодии, новые песни развевают радужные одежды. В жаровне густой аромат. Густой аромат — за сто тысяч лет долголетия.

Её голос был подобен чистому роднику, который в тёплом, поднимающемся паром воздухе комнаты вызывал особое восхищение. Тань Чжифэн не удержался и крикнул «браво». Сидевший рядом Люй Ян, искушённый в подобных делах, с улыбкой сказал:

— Это «Врата бессмертных» господина Яня. Ай-я, хозяин Тань, не могли бы вы впредь чаще приглашать госпожу Шуанлянь петь здесь? Это наверняка сделает ваш трактир ещё более процветающим.

Тань Чжифэн честно ответил:

— Госпожа Шуанлянь — известная певица, я не могу себе позволить её приглашать. К тому же, чтобы пригласить её выступить, нужно ещё получить согласие хозяйки заведения.

Услышав это, на лицах Шуанлянь и Ли Вэймина появилось выражение печали. Тань Чжифэн догадался, что с отъездом Ли Вэймина в область Яньчжоу им с Шуанлянь придётся расстаться. Во-первых, он вряд ли смог бы заплатить выкуп за Шуанлянь, а во-вторых, в Яньчжоу было холодно и далеко, и даже такой учёный муж, как Ли Вэймин, мог не выдержать, не говоря уже о нежной Шуанлянь. И действительно, Шуанлянь снова настроила струны и спела ещё две песни о расставании. Присутствующие за столом невольно вздохнули.

Тань Чжифэн не удержался и тихо спросил у Сюй Ганя:

— Сколько нужно денег, чтобы выкупить такую певицу, как Шуанлянь?

Сюй Гань подумал и ответил:

— По меньшей мере, триста-четыреста гуаней.

— Что, у хозяина Таня проснулось сочувствие, и он хочет выкупить госпожу Шуанлянь? — не успел Сюй Гань договорить, как к ним с чаркой подошёл Вэньхуэй. Тань Чжифэн поспешно объяснил: — Нет, Шуанлянь... она возлюбленная того господина Ли. Но сейчас господин Ли уезжает в Яньчжоу, и, похоже, им придётся расстаться. Мне немного жаль их.

— М-м-м... — задумчиво кивнул Вэньхуэй. — Я тоже думаю, что у тебя с Шуанлянь нет судьбы... — сказав это, он внезапно взял Тань Чжифэна за руку и стал внимательно её разглядывать. Тань Чжифэн от страха не смел пошевелиться, боясь, что Вэньхуэй что-то заподозрит. Но Вэньхуэй, к его удивлению, наклонился к Сюй Ганю и сказал: — Даритель Сюй, а ты знаешь, что твой младший братец, похоже, имеет немалую связь с нами, буддистами? Не хочешь ли ты, чтобы он последовал за мной и стал моим учеником, дабы в будущем достичь вечного блаженства?

— Прошу прощения, мой младший брат пока не собирается принимать постриг, — по какой-то причине Сюй Гань тут же вежливо отказался.

— Хе-хе, подумайте, подумайте. Я уже давно не брал учеников. В последний раз это было два года назад, — сказал Вэньхуэй. — К тому же, моим ученикам не нужно соблюдать строгие буддийские правила, даже от плотских утех можно не отказываться...

— Кхм... — Тань Чжифэн как раз пил воду и, услышав это, поперхнулся и закашлялся. Отдышавшись, он ответил: — Спасибо за вашу доброту, наставник, я... я потом подумаю... кхм...

В этот момент звук циня под тонкими пальцами Шуанлянь внезапно изменился. Несколько нот пролились, и только что нежная и красивая мелодия стала глубокой и немного печальной. Учёные мужи за столом тут же выпрямились. Кто-то сказал:

— Это ведь «Поступь по инею», которую часто играл господин Фань!

Когда мелодия закончилась, Шуанлянь встала и чистым голосом запела:

— Лазурное небо, жёлтые листья на земле. Осенние краски сливаются с волнами, над волнами — холодная зелёная дымка. Горы отражаются в закатном солнце, небо сливается с водой.

Бесчувственны душистые травы, простирающиеся за пределы заката...

<http://bllate.org/book/14942/1323840>